чальники“ будут стремиться к „единомыслию“ со своими подданными. Царь и его подчиненные должны „добро и праведно жити“, быть „образцом всяких добродетелей“, ибо „каковых нравов будет царь или начальник, таковы же смотря на него будут и подданные его“. Здесь же приводится пословица: „каков купец или торговый человек, таков и товар его“.

Иными словами, царь должен сохранять „добрые, святые и праведные обычаи и постановления“, не допускать распространения в государстве „гордости“, „лихоимства“ и „лакомства“ (т. е. жадности). Государю и „начальникам“ надо избегать того, чтоб „силою и неправдою действовать“. Власть царя „мучителя“ не может быть прочной: „мучительство и насильство“ родит у подданных мысль о мести. Подданные должны не бояться власти, а любить ее. Страх, внушаемый подданным, есть „злой сторож“ и „приводит государей к страшному их житию, с великою их неславою“. Примером „римского цесаря“ Фабрициуса автор учит царей уметь распознавать своих истинных друзей и недругов.

Далее автор вновь возвращается к мысли о том, что не должны быть в государстве „переменные уставы, судебники или постановления государьские“. Это может вызвать „смуту и мятеж“. Только в крайнем случае надо „переменять обычаи“, а эти „новые дела“ должны быть „для корысти всех людей“, а не для „подвышения богатых“ или „для понижения убогих“. Власть приказных людей должна соблюдаться в границах, установленных судебником, злоупотребления вызывают только ненависть среди подданных.

В государстве не должно процветать мздоимание: „мзда за службу“ порождает зависть у тех, кто ее не получил, зависть же влечет за собой „ушничество“, клевету на более богатых, она вызывает радость при виде несчастья другого и бывает причиной смут. Государь не должен слушать клевету и „впадать в лютость“, не разобравшись, в чем дело. „Сребролюбие и лакомство“ — зло, особенно для „начальников“: „коли думные бояре между собой о чинах и достоинствах каких или о корысти брань имеют“, в государстве начинается смута, а за смутой „погибель последует“, „из малы бо искры велик пламень происходит“. Автор тут же замечает с сожалением: „не нашел бо нонешнего времени человека такова, который бы возгнушался хотением богатства“. Когда же бояре между собой „без хитрости ревнуют о добродетели, только чтоб было корысти всему государству“, то можно быть спокойным, что то „государство крепко и непоколебимо будет“.

Автор видит зло в том, когда „честные люди и в государстве заслуженные от чинов великих и честных откиненые, а мелкие люди бывают подвызшеные“. Но „не приносит ползы то дело“, когда власть оказывается в руках „немногих людей“, — такая власть „неразна есть от мучительства“, и „мир приходит в кручину и в размышление, как бы тем мстити, иже имеша над ними власть неправедну“.

„Достойным и пригожим“ автор находит совет Аристотеля „давать власть мелким людям“, которые жили прежде в бедности, но чтобы, разбогатев, они гордыми и спесивыми не были.

Для пользы государства, считает автор, необходимо, чтобы бояре имели право „волно говорити о делех надобных“, не бояться высказывать свое мнение по государственным вопросам. Преступников надо „поучати легким обычаем“, оказывать милосердие, чтоб заслужить любовь подданных, остерегаться кровопролития. Не приносит „добраго конца в государстве“ и то, когда „обычаи иноземские перенимаются“, особенно те, которые делают протор и убыток в „пище и одежде“.